

Повторение судьбы

В. М. МЕЖУЕВ

(ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН, МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Выступление на 21-м заседании Русского интеллектуального клуба, в котором автор призывает помнить о связи русской литературы с мировой, проводить исторические параллели, демонстрирующие цикличность проблем литературного процесса.

Ключевые слова: русская литература, мировая литература, европейская литература, история, культура, писатель, журналист, СМИ.

Repeating of Destiny

V. M. MEZHUEV

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RAS, MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

It is a speech at the 21st Session of the Russian Intellectual Club. The author encourages to remember about the connection of Russian literature with the world one and to draw historical parallels that demonstrate the circularity of literary process problems.

Keywords: Russian literature, world literature, European literature, history, culture, writer, journalist, mass media.

Мне кажется, в нашем обсуждении мы упускаем из виду один важный момент. Литературный процесс в России многие выступавшие анализировали в отрыве от мирового литературного процесса. Когда их слушаешь, создается впечатление, что в России этот процесс идет на спад, тогда как в остальном мире он находится на подъеме. Нашим нынешним литераторам не хватает порой понимания того, что вообще происходит в мировой литературе, они как бы живут на ее обочине. Великая русская литература была связана с мировой литературой, в первую очередь с европейской, более прочными узами, чем принято думать. В литературе, как и во всем остальном, Россия никогда не существовала в изоляции от окружающего мира. И то, что сейчас происходит с нашей литературой, во многом повторяет судьбу литературы в тех странах, которые также могут гордиться своим литературным прошлым.

Русская культура по своей природе литературоцентрична. Поэт в России, как изве-

стно, больше, чем поэт, а литература (начиная, во всяком случае, с XIX в.) брала на себя функцию главного органа национального самосознания, заменяя в этом качестве философию и даже науку. Писатель в нашем отечестве осознает себя вопреки поговорке пророком (вспомним хотя бы Пушкина), человеком, ответственным за все смыслы. Даже о собственной истории мы судим по тому, как она представлена в творчестве наших писателей и художников, ставя их мнение на этот счет выше любого другого. Русская культура велика прежде всего своей литературой, искусством в целом, по отношению к которым все остальное кажется вторичным и второстепенным.

Что же происходит с литературой сегодня?

По общему мнению, литература, как и вообще все словесное творчество, утратила в современной культуре (не только нашей) лидирующее значение: мы присутствуем как бы при закате книжной культуры. «Конец галактики Гутенберга» — это не нами ска-

* Межуев Вадим Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук). Тел.: (495) 697-34-44; (495) 374-61-81. Эл. адрес: olgazdr@mail.ru

зано. Нечто подобное, хотя и с обратным знаком, переживалось европейским человеком в период, когда эта галактика только зарождалась, т. е. с началом книгопечатания. Тогда печатное слово тоже воспринималось как кризис культуры, но только той, что существовала до него. До возникновения книгопечатания книги, как известно, переписывались от руки, что было весьма трудоемким и дорогостоящим процессом. Переписыванию подлежали лучшие и наиболее значительные произведения, достойные увековечивания. С изобретением типографского станка возникла возможность широкого тиражирования популярной литературы, причем не всегда самого высокого качества. Именно тогда родилась газетная и журнальная периодика. Многим казалось, что типографский станок заметно снизит требование к качеству выпускаемой печатной продукции. Кстат, и изобретение письменности не всеми было встречено с одобрением. Платон, например, был противником письменности, хотя написанные им диалоги являют собой литературные шедевры. А вот его учитель Сократ не написал ни строчки. По мнению Платона, все, что существует в виде письменного текста, мертво, а живет только то, что сохраняется в памяти.

Сегодня заговорили о кризисе и даже конце книжной культуры. С появлением Интернета уходят в прошлое три классические фигуры эпохи книгопечатания — Писатель, Читатель и Издатель (редактор), хоть как-то гарантировавшие качество публикуемых текстов: в Интернете каждый в одном лице — читатель, писатель и издатель. Граница, отличающая графомана от настоящего писателя, практически исчезла, а вместе с ней исчезает и граница между литературным языком и обыденной речью. Языковая безграмотность уже никого не смущает. Если уже бумага способна многое стерпеть, то анонимный экран способен стерпеть и то, что не каждый отважится высказать на бумаге.

С появлением СМИ (радио, кино, телевидения) печатное слово если не совсем ис-

чезло, то во многом девальвировалось, уступив пальму первенства изображению, картинке и звуку. На смену словесной культуре пришла аудиовизуальная и виртуальная культура. По силе воздействия на массовую аудиторию печатному слову трудно конкурировать с кино, радио и телевидением. Власть это хорошо понимает и умеет этим пользоваться. В системе пропаганды и агитации СМИ обрели для нее решающее значение. Популярный телеведущий сегодня ценится намного выше любого писателя. Мнение какого-нибудь Леонтьева, Познера, Сванидзе и прочих для нее более весомо, чем даже самого выдающегося поэта или романиста. Присутствующего здесь писателя Проханова большинство знают не по его романам, а по выступлениям на радио и телевидении, т. е. судят о нем в качестве не читателей, а зрителей и слушателей. Литература высокого класса перестала быть главным средством формирования общественного сознания. Подобный сдвиг произошел не только в России, он зафиксирован в мировой социологической и философской литературе.

Субъектом современной (так называемой массовой) культуры является по преимуществу не писатель, философ или ученый, а журналист, который, похоже, заменил собой их всех. Если СМИ — основной канал трансляции культуры в современном мире, то журналист — ее главное действующее лицо. Кто с утра до вечера поучает нас с экрана телевизора или по радио, наставляет по всем вопросам жизни? Не писатели и философы, а журналисты. Именно им принадлежит решающее слово во всех спорах и дискуссиях, идущих в СМИ. Они полные хозяева эфира и экрана, короче — «четвертая власть», причем именно в области общественного сознания. А поскольку журналисты — всего лишь специалисты по новостям, культура, олицетворяемая ими, — это новостная культура, живущая в лучшем случае несколько дней.

Великая классическая культура держалась не на новостях, а на идеях, т. е. на веч-

ных ценностях. Все великое в культуре всегда так или иначе связано с вечностью. Художник, по словам Пастернака, есть «заложник вечности», а культура (в отличие от культа) есть хранитель вечности на земле. Сегодня из литературы ушло ощущение ее сопричастности вечному, т. е. тому, что обладает для человека непреходящим значением, что для него свято и ценно во все времена и при любых обстоятельствах. Современная литература может быть правдивой в частности и деталях, даже в чем-то интересной, но она перестала быть прекрасной. В ней отсутствует то, что греки называли катарсисом — чувством очищения от всего низменного и суетного, возвышением над повседневной прозой жизни, приобщением к чему-то надвременному, абсолютному. Во многом нынешняя литература стала подобием журналистики с ее преклонением перед фактичностью бытия и идейным негативизмом. Она не открывает перед читателем никаких новых горизонтов, никуда не зовет и ни к чему не призывает.

Удивительный факт: во времена Пушкина, Достоевского и Толстого, когда не было никакой социологии и никто специально не занимался изучением читательской аудитории, создавались шедевры, пережившие века. Сегодня литературные запросы и предпочтения массового читателя исследуются со всей возможной тщательностью, учитываются разного рода рейтинги, а создаются однодневки. В чем дело? Классическая литература в ее лучших образцах, не только русская, ориентировалась на читателя, равновеликого автору. Пушкин считал свое-

го читателя равным себе, во всяком случае, пытался поднять его до себя. Сегодня, наоборот, писатель часто опускается до уровня среднего читателя, пытается во всем угодить ему. И дело не только в рынке, когда покупатель всегда прав. Рынок был и во времена Пушкина. Пушкин и Достоевский во многом жили за счет своих литературных гонораров. Однако читатель был другой, стремившийся сравняться с писателем, подняться до его уровня. Сегодня же писатели в своем большинстве мало чем отличаются от читателей, для которых пишут. А нынешние читатели — это уже не народ или нация, а сконцентрированная в городах безличная масса, в которой все как бы на одно лицо, лишены индивидуальных различий. Отсюда все эти Дашковы, Донцовы, Поляковы, заполнившие собой книжные прилавки. Если их и читают, то для того, чтобы затем навсегда забыть.

Понижение качества литературы, а отсюда снижение ее влияния на сердца и умы людей характерны не только для России, пытающейся стать рыночной страной. Разве, например, в Германии с ее великим литературным прошлым дело обстоит как-то иначе? Последние великие немецкие писатели родились до Второй мировой войны. Кого теперь можно поставить с ними вровень? Что осталось от великой немецкой музыки или немецкой философии? И в других европейских странах художественная литература переживает не лучшие времена. Нигде не наблюдается ее взлета или хотя бы подъема. Иное дело: как выход из сложившейся ситуации?

Но это уже тема для другого разговора.